

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)
Москва, 8 февраля 2020 года

Материалы конференции

УДК 316.77:81.27(082)
ББК 88.53:81.001я43
С-483

С-483 «Слово и жест». **Научная конференция**, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2020 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. – 50 с.

Сборник содержит материалы научной конференции «Слово и жест», посвященной памяти Е. А. Гришиной (1958-2016). В центре внимания конференции – обсуждение вопросов мультимодальной коммуникации и жестикоуляционной лингвистики, а также смежных проблем.

Оргкомитет конференции
В. А. Плунгян, акад. РАН – председатель
Е. В. Рахилина, д-р филол. наук, в.н.с.
С. О. Савчук, канд. филол. наук, в.н.с.

Место проведения: Москва, ул. Волхонка, д. 18/2,
ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. 8 февраля 2020 г. 10-00.

© Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

- 9:30 – Регистрация участников
10:00
- 10:00 – Открытие конференции. Вступительное слово:
10:10 *Владимир Александрович Плунгян*
- 10:10 – *Катерина Витальевна Смирнова, Николай Алексеевич*
10:30 *Коротаев, Вера Исааковна Подлесская, Ольга*
Викторовна Федорова (МГУ им. М.В. Ломоносова,
РГГУ)
Речевые сбои и жестикуляция: отбор стимульного
материала для психолингвистического и
нейрофизиологического исследований
- 10:30 – *Николай Алексеевич Коротаев* (РГГУ)
10: 50 Речь и жестикуляция в диалоге vs. монологе: опыт
контролируемого сопоставления
- 10:50 – *Юлия Владимировна Николаева, Александра*
11:10 *Алексеевна Евдокимова* (МГУ им. М.В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН)
Кинетические кластеры и их функциональные типы
- 11:10 – *Анастасия Вячеславовна Оленикова, Ольга Викторовна*
11:30 *Федорова* (МГУ имени М.В. Ломоносова)
Заикание в диалоге: реакция собеседника на нарушения
плавности речи
- 11:30 – *Александра Алексеевна Евдокимова* (Институт
11:50 языкознания РАН)
Движения головы и моргания глаз. Совпадения или
закономерности?
- 11:50 – Кофе-брейк
12:20
- 12:20 – *Вера Исааковна Подлесская, Ксения Александровна*
12:40 *Проваторова* (РГГУ)
Чувствительны ли грамматические средства
маркирования коммуникативной структуры к каналу
передачи информации?
- 12:40 – *Татьяна Евгеньевна Янко* (Институт языкознания РАН)
13:00 Дискурсивная незавершенность в стилях и жанрах речи

- 13:00 – *Антон Юрьевич Вахранёв, Анна Вадимовна Зуева,*
 13:20 *Светлана Игоревна Переверзева (НИУ ВШЭ)*
 Глубокая разметка Мультимедийного русского корпуса. 2020 год
- 13:20 – *Полина Андреевна Бычкова, Екатерина Владимировна*
 13:40 *Рахилина, Евгения Александровна Слепак (НИУ ВШЭ, ИРЯ РАН)*
 Реплики отрицания и сопровождающая жестикауляция
- 13:40 – *Наталья Марковна Стойнова (ИРЯ РАН)*
 14:00 Нестандартный выбор акцентоносителя в контактно-обусловленной русской речи: данные устной речи нанайцев и ульчей
- 14:00 – Кофе-брейк
 14:30
- 14:30 – *Ольга Викторовна Федорова, Андрей Александрович*
 14:50 *Кибрик (МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт языкознания РАН)*
 Подводя итоги проекта «Язык как он есть»: The MCD handbook
- 14:50 – *Анна Александровна Зинина, Артемий Александрович*
 15:10 *Котов, Людмила Яковлевна Зайдельман, Никита Алексеевич Аринкин (НИЦ «Курчатовский институт»)*
 Коммуникативное жестовое поведение человека и робота при решении задач танграм
- 15:10 – *Ольга Николаевна Прокофьева (МГЛУ)*
 15:30 Эксплицитное выражение (не)уверенности в речи и жестах в описательном дискурсе на русском языке
- 15:30 – *Лариса Леонидовна Шестакова (ИРЯ РАН)*
 15:50 «Словарь языка русской поэзии XX века»: от «гришинского» пробного выпуска до VIII тома
- 15:50 – *Светлана Олеговна Савчук, Александра Александровна*
 16:10 *Махова (ИРЯ РАН, НП «НКРЯ»)*
 Мультимедийный поэтический корпус: принципы создания и особенности разметки
- 16:10 – Подведение итогов конференции
 17:00

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная памяти Е.А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)

Тезисы докладов

Содержание

<i>П. А. Бычкова, Е. В. Рахилина, Е. А. Слепак.</i> Реплики отрицания и сопровождающая жестикация.....	7
<i>А. Ю. Вахранёв, А. В. Зуева, С. И. Переверзева.</i> Глубокая разметка Мультимедийного русского корпуса. 2020 год.....	8
<i>А. А. Евдокимова.</i> Движения головы и моргания глаз. Совпадения или закономерности?.....	9
<i>А. А. Зинина, А. А. Котов, Л. Я. Зайдельман, Н. А. Аринкин.</i> Коммуникативное жестовое поведение человека и робота при решении задач танграм.....	11
<i>Н. А. Кортаев.</i> Речь и жестикация в диалоге vs. монологе: опыт контролируемого сопоставления	14
<i>Ю. В. Николаева, А. А. Евдокимова.</i> Кинетические кластеры и их функциональные типы	17
<i>А. В. Оленикова, О. В. Федорова.</i> Заикание в диалоге: реакция собеседника на нарушения плавности речи	19
<i>В. И. Подлесская, К. А. Проваторова.</i> Чувствительны ли грамматические средства маркирования коммуникативной структуры к каналу передачи информации?.....	22
<i>О. Н. Прокофьева.</i> Эксплицитное выражение (не)уверенности в речи и жестах в описательном дискурсе на русском языке.....	28
<i>С. О. Савчук, А. А. Махова.</i> Мультимедийный поэтический корпус: принципы создания и особенности разметки.....	32
<i>К. В. Смирнова, Н. А. Кортаев, В. И. Подлесская, О. В. Федорова.</i> Речевые сбои и жестикация: отбор стимульного материала для психолингвистического и нейрофизиологического исследований.....	35
<i>Н. М. Стойнова.</i> Нестандартный выбор акцентоносителя в контактно-обусловленной русской речи: данные устной речи нанайцев и ульчей.....	39
<i>О. В. Федорова, А. А. Кибрик.</i> Подводя итоги проекта «Язык как он есть»: The MCD handbook.....	42
<i>Л. Л. Шестакова.</i> «Словарь языка русской поэзии XX века»: от «гришинского» пробного выпуска до VIII тома.....	44
<i>Т. Е. Янко.</i> Дискурсивная незавершенность в стилях и жанрах речи	47

РЕПЛИКИ ОТРИЦАНИЯ И СОПРОВОЖДАЮЩАЯ ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ

П. А. Бычкова, Е. В. Рахилина, Е. А. Слепак

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», ИРЯ РАН
(Москва, Россия)
polyatomson@gmail.com, rakhilina@gmail.com,
janenikel16@gmail.com*

Данная работа продолжает исследования русских неоднословных изолированных реплик, выражающих реакцию говорящего на предшествующее высказывание собеседника в диалоге: вопрос, предложение, приглашение и проч., ср.: *Еще бы, Куда там! А то? Не говори*, и под.

Как известно, такие реплики в русском языке достаточно многочисленны и разнообразны и могут рассматриваться как особый тип прагматических конструкций со специальным образом организованными и не входящими в саму конструкцию («внешними») слотами (подробнее см. нашу статью [Бычкова и др. 2019: 257-284]). Такую разновидность конструкций мы называем *дискурсивными формулами*. Дискурсивные формулы имеют прагматическое значение, и с этой точки зрения почти все они могут быть разбиты на два больших класса: положительной и отрицательной реакции.

Дальнейшая их классификация, которую мы проводили на выделенном нами массиве из нескольких сотен единиц, показывает, что каждый тип реакции уточняется в соответствующих подклассах – как в отношении презумпций говорящего и/или собеседника, так и в отношении типа предшествующей реплики, характеризующей слот такой конструкции. Маркерами каждого подкласса служат как специфические свойства интонации соответствующих формул, так и сопровождающая их жестикауляция.

В настоящей работе на материале НКРЯ рассматриваются некоторые подклассы формул ОТРИЦАНИЕ и их жестовые корреляты.

Литература

П. А. Бычкова, Е. В. Рахилина, Е. А. Слепак. (2019) Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование // Труды Института русского языка. Вып. 21. С. 257-284.

ГЛУБОКАЯ РАЗМЕТКА МУЛЬТИМЕДИЙНОГО РУССКОГО КОРПУСА. 2020 ГОД

А. Ю. Вахранёв, А. В. Зуева, С. И. Переверзева

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

p_sveta@hotmail.com

Доклад посвящён обзору актуальных вопросов, с которыми сталкиваются разметчики Мультимедийного русского корпуса (МУРКО), и возможных путей их решения. На сегодняшний день к таким вопросам относятся, в частности, следующие:

(1) Какие движения и действия персонажей в клипе следует размечать, а какие не следует?

(2) Какое название / значение из числа уже имеющихся в базе МУРКО следует выбирать для данного жеста (ср. такие конкурирующие названия, как «опустить глаза» и «потупиться», «покоситься» и «посмотреть искоса», а также пары значений ‘вопрос’ и ‘недоумение’, ‘возражение’ и ‘отрицание’, ‘недовольство’ и ‘дистанцирование’)?

(3) В каких случаях целесообразно предлагать новое название жеста / предлагать новое значение жеста / устанавливать новое соответствие между уже имеющимися названиями и значениями?

Для решения этих вопросов разметчики изучают частоту встречаемости в МУРКО конкретных пар вида «жест – значение» и разрабатывают, основываясь на разметке Е.А. Гришиной, общие принципы глубокого аннотирования в МУРКО. К ним относятся принцип иерархии значений жеста, принцип семантического согласования [Гак 1972] жестовых компонентов внутри вертикальной лигатуры [Гришина 2017], принцип распределения смыслов между сопутствующими друг другу жестами и некоторые другие.

Литература

Гак В.Г. (1972) К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 367–395.

Гришина Е.А. (2017) Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Языки славянской культуры, 2017.

ДВИЖЕНИЯ ГОЛОВЫ И МОРГАНИЯ ГЛАЗ. СОВПАДЕНИЯ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТИ?

А. А. Евдокимова

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
arochka@gmail.com*

При анализе движений головы и жестов мы обращаем внимание не только на сами движения головы, но и на окружающий их контекст. Как выяснилось ранее, на движения головы оказывают влияние движения всех других частей тела, что мы размечаем в наших цефалических аннотациях в рамках проекта <https://multidiscourse.ru/main/> в отдельном слое движений Эхо, а также специальными тегами в слоях Движения *типа А* (собственно жесты головы и смены поз), движения *типа Б* (адапторы и движения-эхо) и *перемещения*. При сопоставлении в записи 22N с мимической разметкой движений глаз были выявлены следующие особенности.

Среди движений *типа А* 204 движения (из 1270) совпадают с морганиями, чаще всего моргания приходится на Up (вверх) – 51 раз, а противоположное ему Down (вниз) – 37, в то время как Forward (вперед) – 15 раз и Backward (назад) – 4 раза. В некоторых случаях направление движения вниз/вверх или вперед/назад, которые в ряде контекстов могут быть синонимичны, связано с фазой моргания, вниз веки или вверх. Что ставит перед нами отдельную задачу разметки фаз моргания и выявления корреляций с движениями головы. В боковой оси наблюдаются следующие закономерности: TurnLeft (поворот влево) – 41 раз и TurnRight (поворот вправо) – 31 раз, TiltLeft (наклон влево) – 8 раз и TiltRight (наклон вправо) – 7, SlideLeft (сдвиг влево) – 5 раз и SlideRight (сдвиг вправо) – 3 раза. Обратим внимание, что все движения, связанные со сторонами, обращены чаще влево – там как раз сидит комментатор. Так что, скорее всего, все эти движения адресованы ему. Rock и Rotation по одному. В сочетании «моргание + смена направления взгляда» наблюдаются такие Down (назад) – 3 раза, TurnRight (поворот вправо) – 2 раза, SlideLeft (сдвиг влево) – один раз и Up (вверх) – один раз.

Среди движений *типа Б* 219 движений (из 1194) совпадают с морганиями, здесь мы будем их приводить без соответствующих тегов, указывающих на ту часть тела, которая стала их инициатором. Из этих движений лидируют Backward (назад) и противоположное ему Forward (вперед), каждое по 59 раз. Возможно, некоторые из этих частотных сопровождающих эхо-движений были спровоцированы морганиями. Однако эта гипотеза еще требует проверки на других записях. Up (вверх) 32, а противоположное ему Down (вниз) всего 17. Следующими по частотности являются SlideLeft (сдвиг влево) 28 и SlideRight (сдвиг вправо) 20, соответственно. Наблюдается явное, как и в случае движений типа А, предпочтение выбора движений влево. И замыкают список: TurnLeft (поворот влево) – 2, TiltLeft (наклон влево) – 1, Other – 1 раз. При этом в сочетании «моргание + смена направления взгляда» распределение следующее: Forward (вперед) – 4 раза, Backward (назад) – 2 раза, Up (вверх) – 2 раза, TurnRight (поворот вправо) – 1 раз, SlideLeft (сдвиг влево) – 1 раз.

Среди *перемещений* всего 7 совпадений (из 40): Forward (вперед) и Backward (назад) – по 3 раза, SlideLeft (сдвиг влево) – 1 раз.

Кроме того, в каждой из категорий движений есть различные соединения движений, совпавшие с морганиями, например, Up+SlideRight или Forward+SlideLeft и т.п.

В докладе будет подробно показано, как все эти закономерности и совпадения сочетаются друг с другом, а также на какие элементы из вокальной или референциальной разметки они попадают. Ставится вопрос, можем ли мы их считать случайностью или это один из новых инструментов выделения и разграничения жестов головы, в том числе по функциям.

КОММУНИКАТИВНОЕ ЖЕСТОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И РОБОТА ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ТАНГРАМ*

А. А. Зинина, А. А. Котов, Л. Я. Зайдельман, Н. А. Аринкин

НИИЦ «Курчатовский институт»

(Россия, Москва)

zinina_aa@nrcki.ru

Исследование мультимодальной (мультиканальной) коммуникации человека необходимо для моделирования коммуникативного поведения робота-компаньона – в том числе, для проведения исследований по человеко-машинному взаимодействию. Анализ жестов человека является фундаментальной научной темой [1, 2, 3]. Часто в теоретических работах жесты рассматриваются в узкой ситуации взаимодействия – в коммуникации, не связанной с предметным взаимодействием. Прежде всего, это – интервью, пересказ кинофильмов и т. д. Вместе с тем, перспективные сценарии взаимодействия людей с роботами включают операции с объектами: люди и роботы будут оперировать предметами в общем окружении, например, при строительстве дома, при переноске и складировании предметов, при ежедневном уходе за домом. При этом люди будут управлять роботами, а роботы – при необходимости подсказывать нужные действия людям. В экспериментах по моделированию естественной коммуникации робота мы отталкиваемся именно от таких сценариев взаимодействия – сценариев, где робот выступает в качестве помощника или регулятора определенного вида деятельности. Взаимодействие между человеком и роботом мы рассматриваем на примере совместного решения пространственной головоломки танграм. Танграм является хорошей исследовательской моделью: задачи танграм имеют решение, причём решение может быть достигнуто разными путями. С точки зрения теории решения задач, танграм комбинирует алгоритмические и инсайтные методы решения, что также делает его одним из интересных объектов исследования. В наши задачи входит как анализ поведения людей при решении таких задач, так и попытки смоделировать различные аспекты этого поведения с помощью робота. Например, в работе [4] было показано,

что указательные жесты робота крайне важны для решения пространственной задачи: робот, указывающий на требуемые игровые элементы является более привлекательным. Кроме того, испытуемые склонны следовать жестовым инструкциям робота, даже если они не замечают использование роботом жестов.

В текущем исследовании мы собираем корпус видеозаписей реальных людей, совместно собирающих танграм (в одной из серий один участник знает решение и даёт другому советы по сборке). Мы классифицируем используемые жесты, чтобы далее перенести естественные стратегии коммуникативного поведения на робота. Участник коммуникации взаимодействует как с собеседником, так и со множеством игровых элементов на столе. Жесты человека, участвующего в решении задачи, также отличаются разнообразием, в частности, это:

(а) предметное манипулирование игровыми элементами;

(б) указательные жесты в сторону игровых элементов;

(в) обычные иконические жесты руками, в том числе иконические жесты над игровыми элементами, например, человек может двигать ладонями над игровым полем, демонстрируя готовность взять игровой элемент;

(г) жесты-апелляции – жесты, акцентирующие обращение и направленные на собеседника, в том числе жесты с игровыми элементами в руке;

(д) уточняющие движения игровыми элементами – человек может демонстративно дотронуться до элемента, «поправить расположение элемента», как бы подчёркивая, что основное движение завершено;

(е) иконические жесты вопроса – человек может демонстративно убирать руку от игровых элементов, сжимать пальцы или складывать руки, демонстрируя завершение движения и ожидание действий со стороны собеседника; человек может брать игровой элемент за край, покручивать его в воздухе, подчёркивая, что ожидает инструкции от собеседника.

Перечисленные стратегии жестового поведения становятся новым предметом исследования в области невербальной коммуни-

кации. Как мы полагаем, часть этих стратегий может быть внедрена в поведение робота, что может сделать его более привлекательным для пользователя, приблизив этап реального общения человека с роботом при решении конкретных бытовых задач.

Литература

Гришина Е. А. (2017) Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения: корпусные исследования, Москва: Издательский Дом ЯСК, Языки славянской культуры, 2017. 745 с.

Fedorova O. V., Zherdev I. Y. (2019) Follow the hands of the interlocutor! (on strategies for the distribution of visual attention) // Экспериментальная психология. 12 (1), 2019. P. 98–118.

Litvinenko A. O., Kibrik A. A., Fedorova O. V., Nikolaeva J. V. (2018) Annotating hand movements in multichannel discourse: gestures, adaptors and manual postures // Российский журнал когнитивной науки. 5 (2), 2018. P. 4–17.

Zinina A., Arinkin N., Zaydelman L., Kotov A. (2019) The Role of Oriented Gestures during Robot's Communication to a Human // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2019" Moscow, May 29–June 1, 2019, Moscow. 18 (25), 2019. P. 800-808.

---

* Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 19-78-00113 «Разработка эмоциональной модели робота-компаньона для решения обучающих задач с детьми».

РЕЧЬ И ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ В ДИАЛОГЕ VS. МОНОЛОГЕ: ОПЫТ КОНТРОЛИРУЕМОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ*

Н. А. Коротаев

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

n_korotaev@hotmail.com

В число факторов, потенциально влияющих на то, при помощи каких формальных средств участники коммуникации реализуют свои дискурсивные задачи, входит тип осуществляемой коммуникации. Хорошо известно, что, например, устный дискурс значимо отличается от письменного (Земская (ред.) 1973; Chafe 1994 и др.) или что на форму языковых выражений существенное влияние оказывает жанровая принадлежность текста (Biber 1989; Sharoff 2018 и др.). Одним из наиболее плодотворных методов выявления таких различий может служить *контролируемое сопоставление*: прочие переменные (такие как общая ситуация коммуникации, набор участников и т.д.) фиксируются и выполняют функцию общего фона, на котором искомые различия проявляются наиболее ярко (см., в частности, Кибрик 2009).

В настоящем докладе представлены текущие результаты проекта, направленного на контролируемое сопоставление двух режимов коммуникации: диалогического и монологического. В качестве материала проводимых исследований используется мультимедийный корпус «Рассказы и разговоры о грушах» (<http://multidiscourse.ru>). Записи этого корпуса весьма удобны для проведения подобного сопоставления, поскольку в каждой из них есть два участника, задействованных как в диалогической, так и в монологической ситуациях: на одном этапе записей участники обсуждают увиденное в фильме, на других — реализуют монологический (пере)сказ, подробнее см. Кибрик 2018. Анализируя дискурсивное поведение этих участников по отдельности в диалоге и монологе, можно получить достаточно надежные данные о влиянии режима коммуникации на ее форму.

На данный момент мы получили следующие результаты, касающиеся как только речевых характеристик диалога vs. монолога, так и взаимоотношения речи и жестикуляции.

1. Заметно различаются частоты появления речевых сбоев. Заполненные паузы хезитации (эканья, мэканья и т.д.) существенно

чаще возникают в монологической продукции, чем в разговоре: эта тенденция наблюдается для всех участников проаннотированного подкорпуса (Коротаяев 2019). В то же время онлайн-самоисправления, напротив, более характерны для разговора, чем для (пере)сказа, см. Подлеская и др. 2019. Кроме того, различаются и типы самоисправлений: в монологе говорящие чаще всего прибегают к модификациям и реализуют коррекцию в пределах одной элементарной дискурсивной единицы (микроуровень), тогда как в диалоге самоисправление чаще происходит на макроуровне, а модификации количественно уступают повторам и отменам.

2. В диалоге по сравнению с монологом значительно выше доля элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ), реализуемых как финальные в составе высказывания, относительно нефинальных ЭДЕ (69% к 38% в диалоге; 31% к 69% в монологе). При этом анализ конкретных способов интонационного оформления фазово-иллокутивных значений показывает, что в монологе и диалоге формально сходные интонационные фигуры регулярно используются для выражения несовпадающих значений. Так, акценты типа ИК-3 и ИК-4, которые в монологической речи преимущественно используются для выражения дефолтной незавершенности и незавершенности в контексте педантичного «рассказа по порядку» соответственно (см. Янко 2008), в диалоге регулярно маркируют завершение иллокутивного акта — причем далеко не только в случае общего вопроса.

3. Имеются определенные различия в координации речевого и жестикуляционного компонентов коммуникации. Во-первых, в монологе в целом выше плотность жестикуляции, т.е. количество реализуемых говорящим жестов, приведенное к числу произносимых этим же говорящим слов. В диалоге плотность сопровождающей речь жестикуляции ниже в 1.4 – 2.1 раза (коэффициент варьирует в зависимости от говорящего). Во-вторых, для диалога характерна меньшая степень временной координации жестов с ЭДЕ, чем в монологе. Кроме того, выявленная нами ранее тенденция к запаздыванию жестов относительно ЭДЕ (Коротаяев 2018) в диалоге выражена в значимо меньшей степени, чем в монологе.

Таким образом, результаты текущих исследований позволяют сделать предварительный вывод о том, что режим коммуникации (диалог vs. монолог) оказывает существенное влияние на характер речевых сбоев, на соотношение интонации и фазово-иллокутивной

семантики, на взаимодействие речи и мануальной жестикуляции в составе мультимедийной коммуникации.

Литература

- Земская Е. А.* (ред.) (1973). Русская разговорная речь. М.: Наука.
- Кибрик А. А.* (2009). Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания, 2. - 3-21.
- Кибрик А. А.* (2018). Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал 39(2). - 79–90.
- Коротаев Н. А.* (2018). О временной координации жестикоуля ционных и речевых единиц в неподготовленной устной коммуникации // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2018 г. Материалы конференции. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – 10-12.
- Коротаев Н. А.* (2019). Паузы хезитации в рассказе и в разговоре: сопоставительный количественный анализ // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2019». СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та. – 48-54.
- Подлеская В. И., Коротаев Н. А. Мазурина С. И.* (2019). Самоисправления говорящего в русском монологическом и диалогическом дискурсе: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2019» Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г. Вып. 18(25). М.: РГГУ. - 493-507.
- Янко Т. Е.* (2008). Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК.
- Biber, D.* (1989). A typology of English texts // Linguistics, 27. - 3-43.
- Chafe, W.* (1994). Discourse, consciousness, and time. Chicago: University of Chicago Press.
- Sharoff, S.* (2018). Functional Text Dimensions for the annotation of web corpora // Corpora, 13(1). – 65-95.

---

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00626.

КИНЕТИЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ

¹Ю. В. Николаева, ²А.А. Евдокимова

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

²Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

julianikk@gmail.com, arochka@gmail.com

Жестикуляция в общении выполняет очень разные функции, а их набор и содержание в большой степени зависит от жанра дискурса. В рассказе одна из самых заметных функций жеста – изобразительная. Традиционно выделяются также указательные жесты, ритмические [McNeill 1992], а также еще один тип значений, которые мы предлагаем называть прагматическими [Nikolaeva 2017]. Мы выделяем две основные категории значений жестов: внутридискурсивные (сюда относятся изобразительные и, за редким исключением, указательные) и метадискурсивные (прагматические и ритмические).

При том, что один жест может выполнять несколько функций, приписывание основной из них решается обычно за счет определения иерархии значений (например, исходя из формальных признаков сложности жеста или релевантности определенного параметра в контексте исследования). Другое решение – анализировать каждый жест как сочетание двух или более функций, как это реализовано в корпусе RUPEX [Litvinenko et al. 2018].

Если принимать во внимание остальные кинетические каналы, задача усложняется: с учетом движений корпуса, ног или головы может оказаться, что незначительные по амплитуде движения рук надо интерпретировать как полноценные изобразительные или указательные жесты. В зависимости от всех остальных факторов, доля «найденных» с помощью других каналов мануальных жестов (жестов рук) может достигать 6%. Коммуникативно значимые комплексы, которые формируются из движений в нескольких коммуникативных каналах, мы предлагаем называть вертикальными кластерами [Евдокимова, Николаева 2019].

В результате комплексного анализа кинетического поведения говорящего можно увидеть, что некоторые каналы (в первую очередь мануальный, но также движения локтей) специализируются на

внутридискурсивной семантике, иллюстрируя (с помощью указательных или изобразительных жестов) описываемые события; некоторые (в частности, канал головы и особенно плеч) скорее связаны с метадискурсивными значениями. Так, в изученном нами подкорпусе (30 мин, 22 запись корпуса RUPEX) среди мануальных жестов основная доля (35%) – изобразительные, следующие по частоте – прагматические (29%). Среди жестов головы прагматических – 57%, а изобразительных – 20%. Указательных жестов среди движений рук – 14%, движений головы – 4%.

Движения головы изучены гораздо меньше, чем движения рук, поэтому анализ формальных признаков жестов головы может быть полезен для понимания того, как реализуются их коммуникативные функции. Среди изобразительных лидируют жесты с пространственным значением: вверх-вниз, вперед-назад, в то время как повороты, вращения головой, сдвиги, покачивания головой в функциях прагматического, изобразительного или указательного типов почти не встречаются. При этом наклоны головы чаще относятся не к жестам, а к сменам позы, которые, как предполагается, определяются не столько коммуникативным намерением, сколько удобством говорящего.

Литература

Евдокимова, А. А., Николаева, Ю. В. (2019). Немануальные движения в коммуникации и их комплексное описание // Труды международной конференции "Корпусная лингвистика – 2019", pages 17–22. Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург.

Litvinenko, A. O., Kibrik, A. A., Fedorova, O. V., and Nikolaeva, J. V. (2018). Annotating hand movements in multichannel discourse: gestures, adaptors and manual postures. *Российский журнал когнитивной науки*, 5(2): 4–17.

McNeill D. (1992). *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: University of Chicago Press.

Nikolaeva, J. V. (2017). Pragmatic gestures in russian retellings of “the pear stories”. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 4(2-3): 6–12.

ЗАИКАНИЕ В ДИАЛОГЕ: РЕАКЦИЯ СОБЕСЕДНИКА НА НАРУШЕНИЯ ПЛАВНОСТИ РЕЧИ

А.В. Оленикова, О.В. Федорова

*МГУ имени М.В. Ломоносова
tradaladei@gmail.com*

Заикание – нарушение речевой функции, которое характеризуется повторами звуков, слогов, слов, пролонгацией звуков, прерыванием речи из-за судорог мышц речевого аппарата. Это заболевание затрудняет коммуникативную деятельность пациента, нарушая плавность речи и увеличивая количество времени и усилий, которые ему требуются, чтобы произнести фразу.

Дополнительные усилия прикладывает не только сам заикающийся, но и его собеседники, заинтересованные в том, чтобы добиться общей или своей собственной коммуникативной цели. В работе [Lind, Sønsterud 2004], относящейся к направлению анализа бытового диалога, авторы отметили, что заикание одного из участников диалога побуждает второго использовать совместно построенные ходы (так называемый совместный синтаксис) – обмен репликами, при котором второй говорящий достраивает конструкцию за первым. При этом выделяется два типа совместно построенных ходов: распространение и завершение. Разница между типами состоит в том, что в случае распространения часть конструкции, озвучиваемая вторым говорящим, не является обязательной (например, придаточное предложение с обстоятельственным значением места или времени), а в случае завершения речь идет об обязательном элементе (например, главная часть сложного предложения после уже произнесенного условного придаточного), об исследовании совместного синтаксиса на русском материале см. [Гренобль 2008]. Ниже описаны другие возможные реакции на заикание, которые были обнаружены в рассматриваемом материале.

В ходе работы был создан и расшифрован корпус диалогов, собранный по методу референциальной коммуникации (танграммы), см. [Clark, Wilkes-Gibbs 1986; Федорова 2014]. В эксперименте

приняли участие 9 пар испытуемых, один из которых – заикающийся, а второй не страдает речевыми нарушениями. Из 9 участников с заиканием 4 почти не проявляли симптомов во время эксперимента. Из оставшихся 5 пар только в одной паре собеседник не реагировал на повторы, пролонгацию звуков и паузы, вызываемые заиканием, в остальных собеседники явным образом влияли на ход диалога, используя средства разных модальностей. Среди этих средств оказались совместно построенные ходы по типу дополнения, вербальные и жестовые сигналы обратной связи (угу, кивки), перевод взгляда на собеседника и взятие хода собеседником. Реакции наблюдались в той части эксперимента, в которой заикающийся выполняет роль Инструктора и поэтому должен был проявлять большую активность.

Дополнения касаются деталей изображения, Раскладчика дополняет начатые Инструктором сочинительные и сравнительные конструкции, предлагают существительные, к которым уже названы определения, и в случае значимых затруднений договаривают за Инструктора отдельные слова.

Маркеры обратной связи встречаются и вне моментов нарушения плавности речи, что связано с разными функциями, которые они могут выполнять. В большинстве случаев маркеры обратной связи используются как самостоятельное сообщение Раскладчика, в значении ‘я понял, какую картинку ты имеешь в виду’. Однако некоторые случаи употребления маркеров обратной связи можно рассматривать как фатические, в значении ‘я слушаю, продолжай’; это случаи, в которых Инструктор еще не предоставил Раскладчику информации об изображении и испытывает выраженные затруднения. Похожим образом в таких ситуациях выглядит перевод взгляда с танграмм на Инструктора.

Взятие хода собеседником в каждом случае связано с продолжительными повторами или блоками в речи заикающихся. В одном из примеров Раскладчик задал вопрос, но Инструктор не мог ответить на него из-за блока. Пауза в процессе обсуждения экспериментального задания длилась более 9 с. Не дождавшись ответа,

Раскладчик сменил открытый вопрос на альтернативный, предложив подтвердить или опровергнуть его интерпретацию изображения.

В момент произвольных пауз в диалоге, возникающих из-за заикания, собеседники заикающихся предпринимают усилия, чтобы не дать нарушиться диалогу. Чем тяжелее степень заикания одного из участников диалога, тем больше собеседник, заинтересованный в достижении общей коммуникативной цели, предпринимает усилий, чтобы диалог продолжался. Но это зависит и от индивидуальных особенностей говорящих, так как есть собеседники, не предпринимающие попыток повлиять на процесс коммуникации.

Литература

Гренобль Л. А. Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге. Вопросы языкознания. № 1, 2008. С. 25–36.

Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса. М: Языки славянской культуры, 2014.

Clark H. and D. Wilkes-Gibbs. Referring as a collaborative process // Cognition, No. 22, 1986. P. 1–39.

Lind M., Sønsterud H. Co-construction of turns at talk: Active listening or disruptions in conversation with persons who stutter? // Journal of Interactional Research in Communication Disorders. Vol. 5., No. 2, 2004. P. 141–165.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫ ЛИ ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАРКИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ К КАНАЛУ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ?

В. И. Подлеская, К. А. Прваторова

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
vi_podlesskaya@il-rggi.ru*

1. Постановка задачи

Коммуникативная структура в естественных языках манифестируется самыми разнообразными морфо-синтаксическими средствами: фокусными частицами, порядком слов, клефтовыми конструкциями и проч.* В устной речи к этому набору добавляются еще и просодические средства. Возникает следующий вопрос: влияет ли появление дополнительного – просодического – ресурса на распределение нагрузки между средствами разных уровней? Мы предполагаем, что влияет, и хотим проверить следующую гипотезу: в устной речи – по сравнению с письменной – падает частотность (хотя бы) некоторых морфо-синтаксических средств маркирования коммуникативной структуры. В данной работе эта гипотеза проверяется на материале японского языка. В японском языке имеется регулярное и высокочастотное средство выражения топика – частица ВА. Эта частица систематически используется для маркирования топикализованных именных групп в актантажной функции (подлежащих и дополнений), адвербиальных групп в функции обстоятельств, а также, в особых случаях, глагольных групп. Кроме того, эта частица маркирует так называемый «вынесенный топик» - в конструкциях, где топикализованная группа предшествует клаузе с полностью заполненными аргументными позициями: например, для передачи значения ‘В этом городе плохая экологическая обстановка’ строится предложение по схеме *Этот город (топик) экологическая обстановка (подлежащее) плохая-есть* (сказуемое). О японском топике существует

---

* Исследование поддержано грантом РФФ № 17-18-01184

огромная литература, обзор основных работ и сводное описание грамматических свойств и функций топики см. Алпатов и др. 2008 (II, 36-54). Конкретная задача данной работы состоит в том, чтобы на корпусном материале продемонстрировать меньшую частотность ВА в устных текстах по сравнению с письменными.

2. Материал

Для того чтобы получить валидный результат, нам нужно провести эмпирическую проверку таким образом, чтобы противопоставление по каналу передачи (устный vs. письменный) оказалось единственной переменной, по которой противопоставляются две группы текстов. Остальные признаки – жанр, язык, набор испытуемых, способ элицитации – должны быть закреплены. В качестве материала мы использовали корпус устных неподготовленных личных рассказов на японском языке. В первую сессию эксперимента испытуемым (n=14) было предложено рассказать веселую историю из своего личного опыта. Во вторую сессию (через сутки) тем же испытуемым было предложено самостоятельно записать ту же историю. Таким образом получено 14 пар рассказов, представленных в двух версиях – устной (в виде аудиофайла и транскрипта) и авторской письменной. (Подробнее о самом корпусе и возможностях его использования см. Подлеская, Озолина 2019). Все рассказы были сегментированы: были выделены все клаузальные сегменты и все сегменты, не инкорпорированные в клаузальную структуру.

3. Результаты

Общий объем собранного корпуса 5850 слов, объем устной части 3488 слов, объем письменной части 2402 слова; число слов в устном рассказе подсчитывалось по транскрипту. При измерении в сегментах (совокупно клаузальных и неклаузальных) объем устной части 949 сегментов, объем письменной части 509 сегментов. Средняя длина сегмента в письменном тексте несколько выше, чем в устном: в устном средняя длина сегмента 3.675 (3488 слов на 949 сегментов), в письменном – 4.719 (2402 слова на 509 сегментов). Было задокументировано 60 вхождений частицы ВА в устном корпусе, 81 – в письменном. Как видно из таблицы 1, и в устных, и в письменных версиях рассказов ВА топикизирует, главным образом, подлежащее,

заметно реже – обстоятельства, остальные классы представлены единичными примерами, причем внешний топик – только в устном подкорпусе.

Таблица 1. Основные классы употреблений ВА

ВА маркирует	Устные рассказы		Письменные рассказы	
	Вхождений ВА	ВА на 100 сегментов	Вхождений ВА	ВА на 100 сегментов
Подлежащее	38	4	58	11
Обстоятельство	13	1	17	3
Дополнение	3	0.3	2	0.4
Внешний топик	3	0.3	0	0
Прочее	3	0.3	4	
Всего	60	6.3	81	15.9

Уже из таблицы 1 видно, что ВА встречается в устных рассказах реже и при топиализации подлежащих, и при топиализации обстоятельств, однако далее мы сравнили частотность употребления частицы ВА в устных и письменных рассказах с применением непараметрического статистического критерия Уилкоксона. В таблице 2 приведены «сырые» данные о частотности в приведении к числу слов в рассказе, средние (m) и медианные (Me) значения для устного и письменного подкорпусов, критериальное значение W (Wilcoxon), число сравниваемых пар исходных данных с ненулевым рангом ns/r , и рассчитанные уровни значимости – для одностороннего критерия $P(1\text{-tail})$ и двустороннего $P(2\text{-tail})$:

Таблица 2. Частотность ВА в приведении к числу слов в рассказе

Испытуемый	Устные рассказы			Письменные рассказы		
	Вхождений ВА	Число слов в рассказе	Испытуемый	Вхождений ВА	Число слов в рассказе	Испытуемый
1	5	265	1.887	11	235	4.681
2	2	202	0.990	3	150	2.000
3	1	154	0.649	0	101	0.000
4	9	314	2.866	6	156	3.846

Устные рассказы

Письменные рассказы

Испытуемый	Вхождений ВА	Число слов в рассказе	Испытуемый	Вхождений ВА	Число слов в рассказе	Испытуемый
5	3	384	0.781	6	260	2.308
6	4	249	1.606	6	209	2.871
7	1	191	0.524	5	138	3.623
8	9	246	3.659	9	144	6.250
9	4	274	1.460	7	183	3.825
10	4	275	1.455	8	320	2.500
11	7	338	2.071	5	137	3.650
12	6	228	2.632	5	100	5.000
13	3	188	1.596	5	166	3.012
14	2	180	1.111	5	103	4.854
ВСЕГО	60	3488	1.720	81	2402	3.372
Среднее (m)			1.663			3.459
Медиана (Me)			1.528			3.637
Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?						
да: $W = -103$ $n_{s/t} = 14$ $z = -3.22$; $P(1\text{-tail}) = 0.0006$ $P(2\text{-tail}) = 0.0013$						

Сравнение убедительно показало, что в устных версиях рассказов частица ВА употребляется реже, чем в письменных. По медианным и средним значениям число вхождений ВА на 100 слов текста в устных рассказах в два с лишним раза меньше, чем в письменных: $m_{уст} : m_{письм} = 1.663 : 3.459$; $Me_{уст} : Me_{письм} = 1.528 : 3.637$. Уровень статистической значимости этого различия очень высокий ($P < 0.01$): $P(1\text{-tail}) = 0.0006$; $P(2\text{-tail}) = 0.0013$.

Далее, мы сравнили частотность ВА в приведении к числу сегментов в рассказе, см. таблицу 3:

Таблица 3. Частотность ВА в приведении к числу сегментов в рассказе

Испытуемый	Устные рассказы			Письменные рассказы		
	Вхождений ВА	Число сегментов в рассказе	ВА на 100 сегментов	Вхождений ВА	Число сегментов в рассказе	ВА на 100 сегментов
1	5	61	8.197	11	51	21.569
2	2	56	3.571	3	33	9.091
3	1	45	2.222	0	23	0
4	9	93	9.677	6	39	15.385
5	3	104	2.885	6	54	11.111
6	4	67	5.970	6	34	17.647
7	1	59	1.695	5	32	15.625
8	9	65	13.846	9	22	40.909
9	4	89	4.494	7	38	18.421
10	4	81	4.938	8	79	10.127
11	7	81	8.642	5	29	17.241
12	6	61	9.836	5	26	19.238
13	3	47	6.383	5	25	20
14	2	40	5	5	24	20.833
ВСЕГО	60	949	6.322	81	509	15.914
Среднее (m)			6.240			16.874
Медиана (Me)			5.485			17.444
Есть ли статистически значимое различие между устными и письменными версиями?						
да: $W = -103$ $n_{s/r} = 14$ $z = -3.22$; $P(1\text{-tail}) = 0.0006$ $P(2\text{-tail}) = 0.0013$						

Данные таблицы 3 говорят о том, что частотность ВА в приведении к числу сегментов, как и в приведении к числу слов, в устных рассказах в два с лишним раза меньше, чем в письменных. На 100 сегментов средние значения $m_{уст}$: $m_{письм} = 6.240:16.874$; а по медианным значениям различие более, чем в три раза $Me_{уст}$: $Me_{письм}$ 5.485 : 17.444. Уровень статистического различия столь же высок

($P < 0.01$): $P(1\text{-tail}) = 0.0006$ $P(2\text{-tail}) = 0.0013$. Поскольку, как было сказано выше, в письменном тексте средняя длина сегмента несколько выше, чем в устном, можно было бы предположить, что более длинные сегменты располагают к более дробному коммуникативному членению, и поэтому внутри более длинных сегментов топики появляются чаще. Однако разница в частотности выражена значительно сильнее, чем разница в длине сегментов. Следовательно, есть все основания полагать, что имеются и другие различия между устным и письменным каналом передачи, которые манифестируются в столь радикальной разнице в частотности ВА.

4. Краткие выводы

На корпусном материале нам удалось показать, что частотность базового японского средства маркирования топика – частицы ВА – значительно ниже в устном тексте, по сравнению с письменным. Эта разница сохраняется и в приведении к числу слов, и в приведении к числу сегментов в тексте. Мы предполагаем, что основная причина обнаруженного феномена состоит в том, что просодия берет на себя часть задач по маркированию коммуникативной структуры и необходимость в использовании грамматических средств маркирования коммуникативных средств ослабляется.

Литература

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. (2008) Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х томах. Кн. 1. 560 с.; Кн. 2. 448 с. Москва: Наталис. 2008

Подлеская В. И., Озолина В. А. (2019) Полипредикация в японском устном нарративном дискурсе в сравнении с письменным: опыт корпусного исследования синтаксической сложности // Урало-алтайские исследования. № 2 (33), 83-100

ЭКСПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ (НЕ)УВЕРЕННОСТИ В РЕЧИ И ЖЕСТАХ В ОПИСАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

О. Н. Прокофьева

Московский государственный лингвистический университет

(МГЛУ)

(Москва, Россия)

oliviaprok@gmail.com

Среди многочисленных факторов, влияющих на совместное употребление жестов и речи, отдельное место следует уделить прагматическим факторам – в частности, ментальному состоянию неуверенности говорящего, которое он выражает при помощи как слов, так и жестов. Исходя из концепции «мышление-для-говорения» [Slobin 1987] и «точек роста» [McNeill 1992], можно заключить, что информация о внутренних состояниях говорящего, аналогично концептуализации внешних событий, также будет особым образом распределяться между двумя рассматриваемыми компонентами мультимодального кластера «языковое выражение + жест». Данный содержательный компонент может вноситься в кластер как одной, так и обеими модальностями.

В корпусных исследованиях жестов Е. А. Гришиной (2017) на материале русского языка, а также в работах К. Мюллер и Я. Бресем (2014), С. Ладеви́г (2014) выделяются такие семантические группы (semantic cores), как «неуверенность», «неопределенность», «двусмысленность», «несущественность». В рамках данного исследования было решено объединить их в одну группу выражения «неуверенности» как передачу соответствующего отношения говорящего к своей речи. При этом все указанные выше контексты связываются учёными с воспроизводимыми или рекуррентными жестами двух категорий: колебательными (swaying) и круговыми (cyclic) движениями. Даже в отсутствии языкового выражения с эксплицитно выраженной неуверенностью, подобные жесты способны указать собеседнику на модальность высказывания, ведь, например, круговые движения, согласно Дж. Лакоффу (1987), воплощают определённую идеализированную когнитивную модель, которая и лежит в

основе значения данного жеста. Опираясь на мета-коммуникативную функцию подобных жестов, К. Мюллер и Дж. Спекман (2002) даже склонны называть их «модальными частицами» (modal particles).

Не менее интересным, с точки зрения нашего исследования, представляется вербальный компонент – в частности, лексические средства выражения неуверенности (например, вводные слова, конструкции и предикативы с модальным значением, такие как «*может быть*»; острающие лексемы и конструкции, такие как «*что-то такое*» и другие слова и конструкции со схожим значением (см. также в [Гришина 2017]). Здесь и далее они будут называться «маркерами неуверенности».

Для изучения полимодальных паттернов, служащих для выражения неуверенности, был проведен эксперимент, где участникам предлагалось внимательно изучить (движения их глаз записывались при помощи стационарного ай-трекера), а затем описать собеседнику 4 произведения искусства: 2 реалистичные картины (в стиле романтизма и нео-импрессионизма) и 2 нереалистичные картины (в стиле абстракционизма и сюрреализма). При описании им было необходимо в свободной форме ответить на два вопроса без опоры на стимульный материал: (1) что изображено на картине; (2) какие чувства, эмоции и идеи хотел передать художник данной картиной.

Таким образом, в рамках более масштабного исследования для изучения прагматического фактора ментального состояния неуверенности были выдвинуты следующие вопросы:

(1) Как выбор стимульного материала влияет на количество ЭДЕ с маркером неуверенности в описательном дискурсе? Существует ли разница между описаниями реалистичных и нереалистичных картин в модальностях речи и жестов? Возможно ли расположить представленные стимулы на своеобразном континууме по аналогии с континуумом «конкретности – абстрактности» [Кубрякова, Ирисханова 2007]?

(2) Можно ли найти когнитивное подтверждение «зародившейся неуверенности» в собранных данных о просмотре картины, в том числе с опорой на типы зрения [Величковский 2006]?

(3) Существует ли разница в эксплицитном выражении неуверенности при ответе на два поставленных вопроса? Будут ли данные отличаться для разных стимулов?

(4) Есть ли возможность противопоставить ЭДЕ с маркером «неуверенности» и «уверенности», и могут ли ЭДЕ включать в себя оба маркера одновременно?

В результате анализа 2606 ЭДЕ по 4 картинам было выявлено, что 41% из них содержит маркер неуверенности (в противовес 6% с маркером «уверенности»). Отдельно были рассмотрены такие единичные случаи, как «в этом точно не уверен», содержащие оба маркера. Несмотря на относительно одинаковую долю ЭДЕ с маркером неуверенности в среднем по каждой из картин, в том числе и для невербального компонента, можно отметить, что при рассмотрении ЭДЕ, реферирующих только к объектам с картины, доля «неуверенности» растёт в зависимости от стимула, если расположить их на своеобразном континууме от «реалистичных картин» (20%) к абстракционизму (32%). Это согласуется с предпочтением участников к поисковому типу зрения при рассмотрении абстрактной картины. При этом «доля неуверенности» в том же континууме падает, если участник говорил о смысле картины или вызываемых ей чувствах (с 21% для «реалистичных» картин до 14% для абстракционизма).

Литература

Величковский Б. М. (2006). Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2 т. М.: Академия.

Гришина Е. А. (2017). Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: ЯСК.

Кубрякова Е. С., Ирисханова О. К. (2007). Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // ИАНСЛЯ. Т. 66. М. №3. 1-11.

Bressem, J., Müller, C. (2014). A repertoire of German Recurrent Gestures with Pragmatic Functions // *Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. Volume 2.* / ed. C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill, J. Bressem Berlin : De Gruyter Mouton. 1575–1591.

Ladewig, S. (2014). The Cyclic Gesture // *Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human*

Interaction. Volume 2. / ed. C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill, J. Bressemer Berlin : De Gruyter Mouton. 1605–1618.

Lakoff, G. (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about Thought* // Chicago: University of Chicago Press.

McNeill D. (1992). *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought* – Chicago: University of Chicago Press.

Müller, C., Speckmann, G. (2002). Gestos con una valoración negativa en la conversación cubana // *DeSignis* 3. 91–103.

Slobin, D. I. (1987). Thinking for speaking // *Proceedings of the Thirteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 435–444.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-31-27001 «Когнитивные и прагматические факторы совместного употребления вербальных и жестовых средств в описательном дискурсе» в Московском государственном лингвистическом университете.

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ КОРПУС: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕТКИ *

¹*С. О. Савчук*, ²*А. А. Махова*

¹*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН*

²*НП «НКРЯ»*

(Москва, Россия)

savsvetlana@mail.ru, discourse@yandex.ru

Идея создания Мультимедийного поэтического корпуса принадлежит Е. А. Гришиной, которая рассматривала его как часть Мультимедийного параллельного корпуса (МультиПАРКа) [Grishina et al., 2012]. В настоящее время в составе МультиПАРКа функционируют два модуля. Русский МультиПАРК включает постановки пьес в виде видео- и аудиозаписей театральных спектаклей, фильмов, радио-спектаклей, при этом каждая пьеса представлена в нескольких постановках. Англо-русский МультиПАРК включает фрагменты сериалов и фильмов на английском языке с закадровым русским переводом или дубляжем, а также разные постановки пьес – на русском языке и в англоязычной интерпретации. Третий модуль в архитектуре МультиПАРКа – корпус звучащей поэзии, пилотный проект которого представлен в настоящем докладе.

Корпус построен на тех же принципах, что и остальные разделы, однако имеет некоторые особенности в разметке. По составу авторов корпус предполагается сделать максимально открытым. На первом этапе используются открытые источники, представленные в сети Интернет, в дальнейшем надеемся привлечь архивные материалы из фондов Гостелерадио, музейных коллекций и т. д. Формирование пилотного корпуса мы начали, как намечалось Е. А. Гришиной, с поэзии А. Ахматовой и тех видеоматериалов, которые были использованы при работе над монографией [Гришина 2017: 16].

Согласно разработанной концепции, Мультимедийный поэтический корпус включает в себя стихотворные тексты в разных вариантах исполнения. По составу исполнителей эти варианты могут быть отнесены к трем типам: 1) авторское чтение своих стихов, 2) профессиональное чтение в исполнении мастеров художественного слова (актеров, чтецов, дикторов радио и телевидения),

3) непрофессиональное чтение людьми разных возрастов и профессий, не обученными специальным приемам декламации.

В организации базы данных использован принцип параллельного корпуса, который был реализован в «театральной» части МультиПАРКа. Каждый текст представлен в нескольких вариантах – в виде электронной версии, соответствующей печатной публикации, которая служит каноническим инвариантом, и в виде транскриптов, соответствующих различным вариантам исполнения стихотворения. Необходимость сопровождать каждый видеоклип его текстовой расшифровкой, не ограничиваясь демонстрацией инварианта, объясняется тем, что в разных исполнительских версиях присутствуют не только различия на невербальном уровне (паузы, интонация, ударения, жестовое сопровождение и пр.), но могут встречаться трансформации текста и на вербальном уровне (перестановки, пропуски, замены слов и др.), что представляет известный интерес для исследователей устного стиха и потому должно быть зафиксировано в транскрипте.

Каноническая версия текста стихотворения по печатной публикации сопоставлена разным исполнительским версиям стихотворения в аудио- и видеозаписях. Каждая запись (и соответствующая текстовая расшифровка, а также каноническая версия), разделена на клипы, которые выровнены между собой. Продолжительность клипа от 5 до 20 сек., что в среднем соответствует одной строфе.

В аннотации корпуса сочетаются разные виды разметки: 1) разметка, общая для всех корпусов в составе НКРЯ (метатекстовая, морфологическая, семантическая аннотация); 2) разметка, используемая в корпусах устной речи (акцентная, социологическая аннотация); 3) разметка, используемая в поэтическом корпусе (метрические признаки, рифма), а также 4) специфическая для данного корпуса разметка пауз в транскриптах исполнительских версий.

Поисковый интерфейс позволит по запросу на какое-либо слово, конструкцию или признак получить содержащий соответствующую единицу фрагмент текста в нескольких вариантах исполнения. При этом каждый текстовый фрагмент будет сопровождаться видео- или аудиоклипом, который можно прослушать, повторить, сохранить с целью дальнейшего анализа с помощью внешних программ.

Такая организация материала и поисковый интерфейс дают возможность сопоставительного изучения стихотворного текста. Создаваемый корпус предназначен для научных исследований в

области лингвистики и лингвистической поэтики, фоностилистики, мультимодальной коммуникации, искусствоведения и т. д., а также для проведения междисциплинарных исследований. Корпус, как кажется, может стать полезным инструментом при изучении

- вариантов ритмической и интонационной организации стиха в соотношении с его синтаксической и логической организацией;

- вариантов жестового сопровождения стихотворной речи в зависимости от разной манеры исполнения и в сопоставлении с прозаической речью;

- особенностей непрофессионального исполнения в сопоставлении с авторской и актерской манерой чтения; произносительных тенденций, свойственных стихотворной речи вообще;

- особенностей сценической речи, приемов актерского исполнения в зависимости от индивидуальных качеств исполнителя, принадлежности к актерской школе и мн. др.

Следует иметь в виду, что Мультимедийный поэтический корпус, так же как и МультиПАРК в целом, будет содержать образцы высокого исполнительского мастерства, поэтому можно говорить о большом потенциале его использования в качестве образовательного ресурса.

Литература

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: ЯСК, 2017

E. Grishina, S. Savchuk, D. Sichinava. Multimodal Parallel Russian Corpus (MultiPARC): Main Tasks and General Structure // LREC 2012 Workshop on Best Practices for Speech Corpora in Linguistic Research. Istanbul, Turkey, May 21, 2012. ELRA. pp. 13-16

---

* Работа выполнена при поддержке программы Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде».

РЕЧЕВЫЕ СБОИ И ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ: ОТБОР СТИМУЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЙ*

¹К. В. Смирнова, ²Н. А. Коротаев, ²В. И. Подлеская,
¹О. В. Федорова

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
²Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)

katgold1@gmail.com, n_korotaev@hotmail.com, olga.fedorova@msu.ru

Речевым сбоям и мануальной жестикуляции посвящена обширная литература — и как самостоятельным явлениям, и как взаимосвязанным феноменам (см., *inter alia*, Eklund 2004; Гришина 2017; Seyfeddinipur 2006). Однако до сих пор их взаимодействие не было исследовано в полной мере на нейронном уровне. В рамках нашего междисциплинарного проекта ставится цель рассмотреть эту связь в психолингвистическом и нейрофизиологическом аспектах (Федорова и др. 2019). В частности, мы планируем проверить гипотезу об упрощающей функции т.н. прагматических жестов (Kendon 2004) в контексте заполненных пауз хезитации при понимании речи.

В проекте впервые совместно используются методы корпусного анализа, психолингвистического эксперимента и функционально-резонансной томографии (фМРТ). Эксперимент позволит испытуемым оценивать стимульные видеофрагменты на предмет коммуникационных затруднений. С помощью фМРТ планируется выявить зоны мозговой активации во время восприятия различных типов речевых сбоев и мануальных жестов. В качестве стимульного материала использованы отрывки аннотированных видео- и аудиозаписей мультиканального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» (<http://multidiscourse.ru>, Кибрик 2018). Обязательным техническим условием для их отбора является интервал между ключевыми событиями (сбои / сбои или жесты / жесты) не менее 2 с (Buckner 1998). Стимульные фрагменты для психолингвистического эксперимента должны включать сочетание изолированной заполненной паузы хезитации и прагматического жеста; при этом интервал до другого сбоя / жеста должен составлять не менее 1 с.

В докладе представлены результаты первичного корпусного анализа для поиска фрагментов, удовлетворяющих данным требованиям.

1. Из всего многообразия сигналов речевых сбоев и затруднений (об их номенклатуре применительно к русскому языку см., *inter alia*, Подлеская и др. 2019, Потанина и др. 2016) были отобраны в корпусе следующие: незаполненные паузы, заполненные паузы, нефонологические удлинения звуков, обрывы слов и фраз. Эти сигналы встречаются в устном тексте как изолированно друг от друга, так и в составе кластеров, т.е. комбинированных речевых сбоев. Было обнаружено, что собственно изолированные употребления встречаются несколько реже, чем кластеры (127 против 149).

Речевой сбой аннотировался как изолированный, если был отделен от другого ближайшего сбоя как минимум двумя полнозначными словами. Также было установлено, что большая часть незаполненных пауз присоединяется к другим изолированным сбоям (всего — 169 случаев) в их начале или конце. Такие последовательности квалифицировались как промежуточный класс «квазикластеров».

2. При учете ограничения для томографического исследования (интервал между сбоями не менее 2 с) существенная часть сбоев была отброшена: из 445 размеченных сбоев подходящими для включения в стимульные фрагменты оказались только 154. Таким образом, характерная для естественного устного дискурса тенденция к группировке речевых сбоев в известной степени затрудняет их нейрофизиологический анализ.

3. Еще заметнее проблема кластеризации проявилась при поиске фрагментов для психолингвистического эксперимента. Из фрагментов, где присутствуют прагматические жесты (392), первичный анализ не выявил отрывков, в которых прагматический жест пересекался бы только с заполненной паузой, но не соседствовал со сбоями / движениями других типов. Степень внутри- и межканальной кластеризации тут настолько высока, что для решения поставленной задачи, по-видимому, придется ослабить требования, предъявляемые к стимульному материалу.

Таким образом, базовой тенденцией, выявленной в процессе первичного корпусного анализа, оказалась тенденция к объединению

речевых сбоев и прагматических жестов в кластеры и прочие тесно связанные временные последовательности — как на уровне одного канала (вокального, мануального), так и при комбинированном учете мультиканального поведения. С одной стороны, этот результат затрудняет экспериментальный анализ «чистых» случаев, с другой стороны, отражает важные для теоретического осмысления свойства естественной мультиканальной коммуникации.

Литература

Гришина Е. А. (2017). Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: ЯСК.

Кибрик А. А. (2018). Русский мультиканальный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал 39(2). С. 79–90.

Подлеская В. И., Кортаев Н. А., Мазурина С. И. (2019). Самоисправление говорящего в русском монологическом и диалогическом дискурсе: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2019» Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г. Вып. 18(25). М.: РГГУ. С. 493–507.

Потанина Ю. Д., Подлеская В. И., Федорова О. В. (2016). Вербальная рабочая память и лексико-грамматические сигналы речевых затруднений: данные русского мультимодального корпуса // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии по материалам международной конференции «Диалог 2016» (Москва, 1—4 июня 2016 г.). Вып. 15 (22). М.: РГГУ. С. 566–577.

Федорова О. В., Печенкова Е. В., Лебедева И. С., Кортаев Н. А. (2019). Речевые сбои и жестикуляция: лингвистический и нейрофизиологический аспекты // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2018 г. Материалы конференции. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. С. 21–23.

Buckner R. L. (1998). Event-related fMRI and the hemodynamic response // Human Brain Mapping 6(5–6). P. 373–377.

Eklund R. (2004). Disfluency in Swedish human–human and human–machine travel booking dialogues. PhD thesis, Linköping Studies in Science and Technology, Dissertation No. 882, Department of Computer and Information Science, Linköping University, Sweden.

Kendon A. (2004). *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge University Press.

Seyfeddinipur M. (2006). *Disfluency: Interrupting speech and gesture*. Radboud University Nijmegen.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-00-01485 КОМФИ «Речевые сбои и жестикация: лингвистический аспект».

НЕСТАНДАРТНЫЙ ВЫБОР АКЦЕНТОНОСИТЕЛЯ В КОНТАКТНО-ОБУСЛОВЛЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: ДАННЫЕ УСТНОЙ РЕЧИ НАНАЙЦЕВ И УЛЬЧЕЙ*

Н. М. Стойнова

¹*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
stoynova@yandex.ru*

В докладе будут обсуждаться нестандартные образцы интонации, зафиксированные в русской речи носителей нанайского и ульчского языков (южно-тунгусские). Исследование выполнено на материале небольшого устного корпуса спонтанной русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока (http://web-corpora.net/tsakorpus_russian_nonst/). Проанализирована выборка текстов от носителей южно-тунгусских языков объемом ок. 34,5 тыс. словоупотреблений. Корпус снабжен разметкой отклонений от русского языка монолингвов; в частности, доступен поиск по двум типам просодических особенностей: нестандартный интонационный контур (1) и нестандартное положение акцентоносителя (2).

1. а. В лесу зверей мнооого\ Я их не боюсь/ (ulc, spk)
б. В лесу зверей много\ Я их не боюсь\ (искусственный пример с ожидаемой интонацией)
2. а. Ты трое/ пришли – три норма\, Двое/ пришли – два норма\ (gld, fna)
б. Трое/ пришли – им дают три\ нормы, Двое/ пришли – им дают две\ нормы (ожид.)
Примеры типа (2а) гораздо частотней примеров типа (1а) – 91% от общего числа примеров с пометой о нестандартной интонации (126 примеров). Они встречаются в разных типах синтаксических структур, ср. (2), (3), (4), (5), (6) и (8).
3. а. Ой как мы его любили\ слушать (gld, vsg)
б. Ой как мы его любили слушать\ (ожид.)
4. а. Охотники\ охотники\ там отдыхают/ убивают/ утки – уезжают\
(gld, vsg)
б. ... Стреляют уток/ – уезжают\ (ожид.)

5. а. Мне сон приснился\ грт (ulc, oab)

б. Мне сон\ приснился, говорит (ожид.)

Самый частый случай – нестандартное положение акцентоносителя в именной группе «прилагательное + существительное» (25% всех употреблений с нестандартным положением акцентоносителя), ср. (6), (7).

Нестандартное положение акцентоносителя может быть двух типов. Первый тип – когда слово-акцентоноситель не входит в коммуникативно-выделенную составляющую. Второй – когда слово-акцентоноситель входит в нее, но положение фразового акцента внутри составляющей не соответствует ожидаемому в речи монолингвов. Так, в именной группе «прилагательное + существительное» в русской речи монолингвов, если коммуникативно выделена (например, является ремой или частью ремы) вся составляющая, фразовый акцент принимает существительное (7б). Прилагательное принимает фразовый акцент, если коммуникативно выделено только само прилагательное (7а). Подробнее о правилах выбора акцентоносителя в речи монолингвов см. [Янко 2008: 38–60]. В наших данных от носителей южно-тунгусских языков примерно в равной пропорции встречаются отклонения от этого правила в обе стороны. Ср. (6) и (7).

б. а. Увидишь\ ихних детей/ и свои детей\ (gld, vsg)

б. Увидишь их/ детей и своих\ детей (ожид.)

7. а. Да у меня окорочковый\ суп есть Хотите налью\ Будете/? (gld, vsg)

б. Да у меня окорочковый суп\ есть! (ожид.)

В (6а) прилагательные *ихних* и *свои* образуют топик и фокус контраста, но фразовый акцент падает не на них, а на вершинное существительное *детей*. В (7а) в фокусе вся составляющая *окорочковый суп*, но фразовый акцент падает не на вершину *суп*, а на прилагательное *окорочковый*.

В докладе будут высказаны предположения о природе обнаруженных нестандартных образцов интонации. В частности, они будут сопоставлены с образцами южно-тунгусской интонации в эквивалентных контекстах. Интонационные правила нанайского и ульчского языков на данный момент не исследованы. Предварительный

анализ сопоставительных данных свидетельствует о том, что часть обнаруженных нами в русской речи билингвов случаев нестандартной позиции акцентоносителя можно, с некоторыми оговорками, расценивать как копирование тунгусского образца, ср. (8а) и (8б):

8. а. Вот как интересно было∕ (ulc, aid)

б.	Tuʃ	maŋga	ərdəŋ	bi-či∕
	так	много	интересный	быть-PST

‘Так интересно было!’ (gld, vmk)

Однако для большинства примеров требуются более сложные объяснения.

Литература

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК. 2008.

---

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 17-29-09154.

ПОДВОДЯ ИТОГИ ПРОЕКТА «ЯЗЫК КАК ОН ЕСТЬ»: THE MCD HANDBOOK

¹О. В. Федорова, ^{1,2}А. А. Кибрик

¹МГУ имени М.В. Ломоносова

²Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

olga.fedorova@msu.ru

Доклад посвящен презентации практического руководства под названием “The MCD handbook: A practical guide to annotating multichannel discourse”, которое будет издано весной 2020 г. Хэндбук создан по результатам работы проекта «Язык как он есть», выполнявшегося в Институте языкознания РАН в 2014–2019 гг., сайт: multidiscourse.ru. Книга представляет собой коллективную монографию, написанную при участии следующих авторов (по алфавиту): Е. В. Буденная, Г. Б. Добров, А. А. Евдокимова, А. А. Кибрик, Н. А. Коротаев, А. О. Литвиненко, Ю. В. Николаева, В. И. Подлеская, Ю. Д. Потанина, Н. В. Сухова, О. В. Федорова и А. Н. Хитров; редакторы издания: А. А. Кибрик и О. В. Федорова.

Книга состоит из двух частей. В части I вводятся основные понятия из области мультиканальной (мультимодальной) лингвистики (глава 1) и описывается теоретическая база проекта: *MCD Initiative*, то есть Инициатива по исследованию мультиканального дискурса. В главе 2 представлено подробное описание созданного авторами ресурса – мультиканального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» (англ. “Russian Pear Chats and Stories”, сокращенно *RUPEX*), в том числе описана методология сбора и обработки данных.

Ядро хэндбука составляет часть II, в которой приводится подробное изложение принципов *аннотации*, разработанных в рамках работы над данным проектом. Мы выделяем два типа аннотации: первичную и вторичную. *Первичная* аннотация включает в себя аннотирование тех каналов, которые были исследованы подробнее и глубже других, а именно: вокальная модальность (вербальный и просодический каналы, глава 3),

движения глаз (окуломоторный канал, глава 4), жесты головы (цефалический канал, глава 5) и жесты рук (мануальный канал, глава 6). В главе 7 представлена мультиканальная схема аннотации. Эта схема важна для изучения того, как собеседники взаимодействуют друг с другом и как различные уровни коммуникации связаны между собой. В схеме мультиканальной аннотации все рассмотренные выше каналы представлены в одной среде, а именно в программе ELAN (tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan). *Вторичная* аннотация, не представленная в данном издании, включает такие каналы, как канал движений лица (мимический) и канал движений туловища.

На базе первичной и вторичной аннотаций мы также разрабатываем *дополнительную* аннотацию, которая представляет собой описание конкретных аспектов того или иного канала. В настоящий хэндбук включен только один вид дополнительной аннотации: референциальная аннотация (глава 8). Референциальная аннотация опирается на вербальный канал и характеризует те вербальные выражения, при помощи которых осуществляется референция в дискурсе. Образцы некоторых других видов дополнительной аннотации представлены на сайте multidiscourse.ru.

Завершает книгу глава 9, в которой описаны принципы *поиска* по мультиканальному корпусу. Текущая версия поиска выложена по адресу: multidiscourse.ru/search/. В разделе «Заключение» кратко перечислены некоторые научные исследования, осуществленные к настоящему времени на материале корпуса «Рассказы и разговоры о грушах».

Книга написана на английском языке, так что она, как мы надеемся, будет востребована в мировой мультиканальной лингвистике. По мнению рецензентов – Алана Ченки (Свободный Университет Амстердама и МГЛУ) и Мачея Карпиньского (Университет Познани) – данный хэндбук является первым практическим руководством по аннотации мультиканальных данных в области корпусной лингвистики.

**«СЛОВАРЬ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»:
ОТ «ГРИШИНСКОГО» ПРОБНОГО ВЫПУСКА
ДО VIII ТОМА**

Л. Л. Шестакова

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
lara.shestakova@mail.ru*

Доклад представляет опыт описания поэтического дискурса в многотомном «Словаре языка русской поэзии XX века» (СЯРП) [Григорьев, Шестакова 2001–2019]. СЯРП, идея которого принадлежит В.П. Григорьеву, создается в рамках авторской лексикографии, принадлежит к типу сводных словарей, поскольку содержит описание языка 10 поэтов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова и М. Цветаевой.

Начало работы над Словарем относится к середине 1990-х гг., а поворотным моментом стал 1998 г., когда издательство «Русские словари» опубликовало Пробный выпуск СЯРП с материалами на букву А [Григорьев 1998]. Тем, кто был занят тогда в проекте, очевидно, что это событие произошло исключительно благодаря поддержке и прямой помощи Е.А. Гришиной. И дальше, с ее легкой руки, продолжилась планомерная работа над Словарем, с выходом, раз в два-три года, его отдельных томов. К настоящему времени опубликовано восемь томов – от буквы А до слова Толщъ (более 40 тыс. словарных статей).

Уже в Пробном выпуске отразилось общее представление о Словаре как тезаурусе языка поэзии конкретной эпохи, как, по выражению В.П. Григорьева, «очерке поэтического мира XX века». Этому, при описании языка целого ряда поэтов, соответствует лексикографическая модель с полным, без изъятия каких-либо единиц, словником, с продуманным соотношением текстового и комментирующего материала в словарных статьях. Причем центральной частью каждой статьи являются сами поэтические строки – контексты разного объема, но семантически полноценные,

завершенные, выстроенные по хронологии и по авторам, сопровождаемые шифрами. Вот начало статьи **АЛМАЗ**:

Все ночь над нами стелет сень, О, тень [Пушкина], о сладостная тень, Стань вифлеемскою звездю, Алмазом на Ее груди – И к дому бога нас веди!.. *РП Анн899 (45)*; Мглистый мрак и камней гряда, В них горишь алмазом ты. [посв. Л.Д. Менделеевой-Блок] *АБ901 (I,116)*; На руке моей много блестящих колец – <...> Там ликует а., и мечтает опал, *Ахм906 (304)*...

Ранжирование контекстов по хронологии позволяет писать своеобразную биографию поэтического слова, проследивать историю его употребления (теперь и с привлечением данных поэтического подкорпуса НКРЯ). Это хорошо видно по многим статьям, особенно среднего и большого объема, входящим как в первые, так и в последующие тома (напр., **ГЛУБИНА, ЖИЗНЬ, ЗВЕЗДА, ЗОЛОТОЙ, ИГЛА, ЛЮБЕЗНЫЙ, МУЗА, НАВЕК, ОБЛАКО, ОТКУДА, ПЕВЕЦ** – см.: http://www.ruslang.ru/group_dict_poetry). Материалы статей рассматриваются составителями и предлагаются пользователям Словаря, прежде всего, как основа для лингвопоэтического анализа (хотя возможности издания этим, конечно, не ограничиваются). Алгоритм первичного анализа материала конкретной статьи заложен в самой форме его подачи. Она позволяет сразу получить ответы на вопросы: в каком году слово впервые употреблено и кем из описываемых поэтов, в какое 10-летие оно было наиболее востребованным, у кого из поэтов прослеживается на протяжении всего творчества, у кого носит единичный характер, встречается ли слово в сильных текстовых позициях и т. д. Примеры таких статей будут приведены в докладе.

Кроме корпуса статей, в Пробном выпуске содержались и разного рода приложения. Одно из них включало списки слов, встретившихся только у отдельных поэтов (*авторник, алмея* и др. у Анненского, *аграф, азийский* у Ахматовой, *акажу, апсида* у Мандельштама, *апlike* как вариант *аплике* у Пастернака, *ашать* у Хлебникова, *афронт* у Цветаевой и т. д.). Многие из таких слов – устаревших, областных, специальных и др. – могут быть отнесены к

числу редких, т. е. не вполне понятных или совсем непонятных современному носителю языка. В общем лексическом массиве они составляют немалую долю, требуют часто специальных разысканий, поэтому составители уделяют им особое внимание. В докладе будет показана, на примерах из разных томов, методика работы с подобными словами.

Ключевые слова: авторская лексикография, поэтический дискурс, сводный словарь поэтического языка, словник, словарная статья

Литература

Григорьев В.П. (ред.) (1998) САМОВИТОЕ СЛОВО / Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: *А – А-ю-рей*. Сост.: Григорьев В.П., Гик А.В., Колодяжная Л.И., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А., Шестакова Л.Л. М.: Русские словари.

Григорьев В.П., Шестакова Л.Л. (ред.) 2001–2019 Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VIII. М.: ЯСК.

ДИСКУРСИВНАЯ НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ В СТИЛЯХ И ЖАНРАХ РЕЧИ*

Т. Е. Янко

*Институт языкознания РАН
Институт русского языка им. А.С. Пушкина
(Москва, Россия)
tanya_yanko@list.ru*

Речевой акт может совершаться говорящим либо как автономный и завершенный, либо как встроенный в дискурс, т.е. содержащий указание на то, что общение этим речевым актом не заканчивается. Незавершенность русского дискурса выражается различными типами восходящих просодий ИК-3, ИК-4 или ИК-6 (по [Брызгунова 1982]), которые фиксируются на словоформе — носителе незавершенности. О различиях просодий незавершенности и выборе акцентоносителя незавершенности см. [Янко 2001: 163-170; 2011; 2015]. При отсутствии показателя дискурсивной незавершенности речевой акт по умолчанию понимается как не связанный с последующим контекстом. Речевые акты сообщения, обращения, императива, вопроса с вопросительным словом, а также — ограничено — вопроса с вопросительным словом могут быть носителями значения дискурсивной незавершенности. Дискурсивно не завершенный речевой акт сообщения говорит о том, что говорящий позиционирует сообщение как имеющее продолжение в ряду связного нарратива, незавершенный вопрос — понимается как встроенный в ряд других вопросов или соседствующий с последующим сообщением, поясняющим вопрос.

Наблюдения говорят о том, что существуют различные стратегии говорящих при указании на дискурсивную незавершенность. Так, чтение отличается от спонтанной речи, в частности, тенденцией чтецов не указывать на то, что текущий речевой акт неконечный в ряду речевых актов, а в спонтанной речи, наоборот, говорящие склонны к маркированию того, что продолжение речи еще впереди. Женщины и дети, как правило, отмечают шаги повествования как неконечные, или, иначе говоря, как имеющие в исходе речевого акта своего рода «запятую», мужчины же в целом более склонны к постановке «точки». Один и тот же фрагмент текста *«Она ударилась обо что-то. Из носа*

текла кровь. Я подошел, испугался» может прозвучать с просодией подъема на словоформах *ударилась* и *кровь*, что укажет на то, что на соответствующих шагах рассказ о неудачной прогулке не завершен, но также он может быть построен с рематическим падением на указанных словоформах. Последнее будет означать, что то, будет ли рассказ продолжен или он уже закончился, эксплицитно никак не выражено.

Цель этой работы — предложить метод анализа стратегий незавершенности для разных типов говорящих и различных режимов и стилей звучащей речи. Для оценки стратегий говорящего, формирующего устный дискурс, вводится понятие индекса незавершенности, который представляет собой отношение количества речевых актов, сформированных говорящим как незавершенные, к общему числу отдельных речевых актов, составляющих фрагмент дискурса.

Для проведения исследования подготовлен малый рабочий корпус записей на основе корпуса «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» ([SpokenCorpora 2020], см. детали в [Кибрик, Подлеская 2009]), а также записей выступлений на научных конференциях, записей разговорных радиопередач, радиопьес и аудиокниг общим звучанием ок. 45 мин. Записи снабжены транскриптами с просодической разметкой. Для анализа звучащей речи использована машинная система анализа устной речи Praat [Boersma, Weenink 2020].

В качестве иллюстрации понятий дискурсивной незавершенности и индекса незавершенности в докладе рассматривается образец актерского чтения (6 минут звучания, чтецы — актеры, мужчины и женщины), образец неподготовленной мужской речи (2 минуты звучания) и образец подготовленной женской речи (3 минуты звучания). Индекс незавершенности в рассмотренном образце актерского чтения имеет значение ок. 1%, речи мужчины, который рассказывает занятный случай из жизни — 46 %, подготовленной речи молодой женщины — участницы научной конференции — 76 %. Методику вычисления индекса незавершенности, апробированную на трех звучащих записях, в дальнейшем планируется применить к анализу разнообразного в стилевом и социальном плане материале, который уже подготовлен к анализу, расклассифицирован и размечен

просодически на основании методов наблюдения, оценки и инструментального анализа.

Литература

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Том 1. М. Наука, 1982. С. 98-122.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлеская. М., 2009.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., Языки славянской культуры. 2001.

Янко Т. Е. Просодия темы, ремы и незавершенности текста // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI, СПб: Наука, 2015, Ч.1, С. 667-689.

Spokencorpora 2020. Prosodically Annotated Corpus of Spoken Russian. Online: <http://spokencorpora.ru>.

Boersma P., Weenink D. (2020). Praat: Doing phonetics by computer. Version 6.1.08. Online: <http://www.praat.org/>.

Yanko T. E. Accent placement principles in Russian // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог'2011. Вып. 10. М., 2011. С. 712–726.

---

* Работа поддержана РФФ (проект 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемый в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина).

«Слово и жест»

**Научная конференция,
посвященная памяти Е. А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)**

Материалы конференции

Подписано в печать 01.02.2020 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 3,1. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Отпечатано в типографии ОнлайнПринт
117218, Москва, ул. Кржижановского, 31
www.onlineprint.ru/

